

- Моя маленькая крошка, моя бедняжка, садись, садись... Ох, наконец-то температура спала! - Господин протянул свою мохнатую лапу, ласково обняв Ворона за талию - его передние лапы были слишком коротки, чтобы дотянуться выше - он похлопывал и гладил Ворона, издавая пронзительные звуки, которые пугали.

Ворон чуть не покрылся крапивницей от такой «нежности» великого господина, но, учитывая свою роль умственно отсталого, изо всех сил сдержался и не проронил ни слова.

Дети вроде Сяо Лю иногда принимают свои фантазии за реальность, и даже если он выйдет и скажет, что известный деревенский дурак вдруг заговорил красноречиво, взрослые не воспримут это всерьез.

Но с господином с головой крысы все было не так просто.

Череп господина был похож на крысиный, но при ближайшем рассмотрении он был немного более плоским, чем у настоящей крысы. Как и у людей, у него на лице была небольшая область без шерсти, с частично человеческими мышцами, что позволяло ему выражать довольно богатые эмоции. У настоящих крыс передние лапы имеют недоразвитый большой палец, но у господина с головой крысы передние лапы были больше похожи на человеческие руки, хотя и с четырьмя пальцами, один из которых явно выполнял функцию большого пальца, позволяя хватать и удерживать предметы, и, вероятно, даже показывать сердечко.

Господин Чарльз, казалось, не замечал толстяка Сяо Лю, его маленькие глазки были прикованы только к Ворону. Он приказал няне, которая незаметно вошла в комнату, принести «баночку для большого сокровища».

Оказалось, что под «баночкой» подразумевалась не тушенка и не туец, а банка консервированных персиков в сиропе, что сильно разочаровало Ворона.

Медленно приняв банку, Ворон с отсутствующим интересом почувствовал, что он ненавидит... нет, скорее, его душа глубоко противится сладкому. На банке была изображена белокурая красавица с белоснежной кожей, и он некоторое время разглядывал ее, думая, что ей больше подошло бы рекламировать шампунь, а не сидеть на банке с консервами, вызывая аппетит.

Рядом господин Чарльз непрерывно подгонял его, чтобы он быстрее ел. Под давлением Ворон подчинился приказу мохнатого хозяина и с трудом положил в рот кусочек персика, намереваясь пропустить процесс жевания и сразу проглотить.

Но в следующий момент он замер.

Сироп разбудил каждую его вкусовую почку, заставив их танцевать. Рука и рот, предатели, действовали слаженно, и прежде чем мозг успел отреагировать, второй кусочек персика уже был проглочен.

Ворон: - ...

Что за черт!

Затем он сделал глоток сиропа.

Его душа и тело разошлись во мнениях из-за банки консервированных персиков, а господин Чарльз сидел рядом, развалившись, и смотрел на Ворона, как фермер, разглядывающий свое пшеничное поле.

- Намного лучше, только фрукты могут заставить его съесть хоть что-то. Хотя эти чертовы «наземные люди» любят болезненных, но он слишком сложен в уходе, - сказал господин Чарльз няне. - Малейший сквозняк - и он уже заболевает. На днях старый Ханс хотел взять его для разведения, но я не рискнул согласиться, боясь, что что-то случится до того, как покупатель заберет его.

Слова господина повисли в воздухе, няня стояла рядом, как немая, безразличная.

Господин пнул няню ногой: - Чертов дурак, даже собственного ребенка не знаешь, как воспитывать.

Няня, пошатнувшись, сама восстановила равновесие, оставаясь безучастной и безмолвной.

- Ты такая жалкая и раздражающая, - начал господин с головой крысы, предаваясь жалости. - Ваш вид и так с трудом размножается, а ты еще и глупая, после окончания кормления перестаешь узнавать своих детенышей, эх! Другие самки так не поступают...

Он вздыхал, издавая звуки «ц-ц-ц», чтобы развлечь Ворона, и когда Ворон реагировал, маленькие глазки господина загорались от счастья: - Ешь, ешь, моя крошка, мое денежное дерево.

Насладившись Вороном, господин Чарльз встал, дал няне несколько указаний и затем, махнув лапой, указал на Сяо Лю, который съежился в углу: - Оставь его таким, раз эксперты сказали, что он соответствует стандартам, значит, он прошел проверку. Позже отведи его обратно в загон.

Глаза толстяка Сяо Лю сразу загорелись, как будто он получил золотую звезду в детском саду.

- Няня! Я прошел проверку!

Когда господин Чарльз, шагая вразвалку, ушел, Сяо Лю подпрыгнул... на три сантиметра вверх, радостно кружа вокруг няни, пока она не бросила на него холодный взгляд, и он, смутившись, убрал руку, которая тянулась к ее одежде, и побежал к Ворону.

Няня быстро убрала «больницу», а Сяо Лю серьезно начал наставлять Ворона, передавая ему кучу странных советов по «здоровому образу жизни», вроде «ешь больше, двигайся меньше», одновременно сглатывая слюну при виде банки с персиками и нерешительно бормоча: - Я помню, ты не любишь сладкое...

Это утверждение было спорным, но Ворон, хотя и не одобрял его чрезмерное увлечение едой, не мог есть в одиночестве перед ребенком, поэтому большая часть банки досталась Сяо Лю.

Малыш, обняв банку, выпил весь сироп до последней капли, прежде чем его с неохотой увела няня.

В больнице стало тихо, Ворон играл с пустой банкой, размышляя над словами господина: его покупателями были так называемые «наземные люди», которые, судя по всему, были глупы и богаты. Любители «болезненных» существ, вероятно, принадлежали к высшему классу, не занимающемуся производительным трудом.

Так кто же такие «наземные люди»? Богатые крысы в золоте и драгоценностях?

Или, может быть, это не крысы.

В ругательствах господина часто фигурировало слово «кошка», и полутораметровый господин с головой крысы вряд ли стал бы считаться с десятикилограммовой кошкой. Так что, если есть люди с головами крыс, то, возможно, есть и люди с головами кошек ростом в метр восемьдесят.

У Ворона не было никаких базовых знаний, и сейчас он мог только «смотреть на мир из колодца», строя догадки на основе ограниченных подсказок. К счастью, у него были проблемы с мозгом, и многие функции отсутствовали, например, в такой непонятной ситуации он не знал, что такое тревога или паника, и все вокруг казалось ему новым и интересным.

Вскоре он понял, что быть домашним животным – это здорово, особенно если ты любимец. Нет никаких КРІ, не нужно работать по принципу «996», весь день только ешь и бездельничаешь – просто райская жизнь.

Единственным недостатком была еда – в больнице питание было «шведским столом»: еда находилась в шкафу в углу комнаты, и если голоден, можно было взять самому.

Их основная еда была похожа на собачий корм – мягкие печенья, которые, судя по всему, пролежали на открытом воздухе три дня во время сезона дождей, поэтому неудивительно, что у няни не было жевательных мышц.

Смотрители тоже не особо заморачивались – печенья разных вкусов были смешаны в одном пластиковом ведре, соленые и сладкие, и если взять горсть и положить в рот, можно было получить случайную комбинацию из четырех вкусов: острого, бананового, ванильного и говяжьего. Это было... интересно.

Каждый раз, когда Ворон жевал этот «собачий корм», он испытывал уважение к Сяо Лю, не понимая, как тот смог набрать столько веса, питаясь этим.

Во время пребывания в больнице Ворон очень скучал по Сяо Лю, малыш был как живой автоответчик, отвечающий на все вопросы. Но малыш больше не приходил, зато няня и господин Чарльз появлялись каждый день.

«Няня», вероятно, была должностью, и он не знал, как ее зовут.

Сначала он думал, что «Ворон» и подобные имена были прозвищами, но теперь, поняв свою роль, он осознал, что это было его настоящее имя как домашнего животного.

Няня приходила каждый день вместе с господином Чарльзом, чтобы убрать комнату. Ворон тепло ее приветствовал, но не мог воспринимать ее как мать, он чувствовал, что его душа была старше ее... Даже если не учитывать его раздутую душу, няня была слишком молода, чтобы иметь такого большого сына, как он.

Слишком раннее размножение домашних животных было немного преувеличением.

Когда господин Чарльз был рядом, няня была как бездушный инструмент. Когда он уходил, она «оживала», становясь холодной и отстраненной. У нее были большие глаза с глубокими глазницами, и иногда Ворон замечал, что она смотрела на него из темноты, ее взгляд был сложнее, чем список ингредиентов на банке консервов... без намека на иронию.

Великий господин Чарльз приносил ему консервы в качестве дополнительного питания, в основном фрукты, иногда мясные и зерновые консервы, оставляя множество разноцветных банок. Ворон не мог болтать перед другими живыми существами, поэтому, когда никого не было, он разговаривал с изображениями на банках.

Его тело было хрупким, как высушенная чесночная шелуха, и большую часть дня он находился в полусонном состоянии, просыпаясь только во время еды. Тем не менее, он успел завести себе трех подруг и двух братьев, общаясь с банками.

Хотя список ингредиентов на банках был длиннее, чем рост господина, по крайней мере, вкус был лучше, чем у «собачьего корма», и Ворон был благодарен. Кроме того, длинный список ингредиентов имел свои преимущества – помимо базовых слов, таких как «вода», «сахар», «антибиотики», Ворон, сопоставляя вкусы и цвета различных консервов, смог выучить написание многих пищевых добавок.

В списке ингредиентов не было указано количество калорий, но было написано количество каждого ингредиента, что позволило ему понять написание цифр и единиц измерения.

Интересно, что цифры были десятичными.

Это не соответствовало его первоначальному предположению о восьмеричной системе, то есть люди с головами крыс, вероятно, не были хозяевами этого мира.

Еще интереснее было то, что Ворон думал, что он просто чистый оптимист с умственной отсталостью, но, немного подумав, он обнаружил, что у него есть некоторые знания, которые он не знал, как использовать – он хорошо считал и знал многое о химии, связанной с пищевой промышленностью.

Он, казалось, был неграмотным, но не полностью.

Прожив несколько дней в «больнице» без понятия о времени, Ворон чувствовал, что становится все более «жестким».

Надеюсь, у господина Чарльза крепкие зубы, иначе он сможет выбить его великие вставные зубы.

Примерно на четвертый или пятый день, проснувшись, Ворон наконец почувствовал, что ему стало легче, и он смог пройти три круга по комнате за один раз.

Вместе с выздоровлением к нему вернулось какое-то знакомое и загадочное чувство.

Это было похоже на то, как человек с переломом только что снял гипс – части тела свои, инстинкт ходьбы остался, но первые шаги были немного непривычными.

Он почувствовал это и позволил невидимой «ноге» вести себя к шкафу с «собачьим кормом».

- Давай посмотрим... Что ты хочешь мне сказать, старый друг?

Между деревянным шкафом и полом был зазор около пяти сантиметров, снаружи ничего не было видно, но Ворон чувствовал, что там что-то зовет его.

Он засунул длинную ложку от фруктовых консервов в щель и вытащил клубок черной пряжи. При ближайшем рассмотрении это оказалась незаконченная кукла из пряжи, голова уже была связана, а тело еще не сформировано, что выглядело немного жутко.

Для чего это? Чтобы делать куклы вуду? На кого?

Пока он размышлял, в груди Ворона внезапно возникло странное чувство, левая глазница слегка нагрелась, и зрение в левом глазу потемнело.

При тусклом свете зрачок его левого глаза медленно превратился в шестиконечную звезду, вращающуюся на радужке, все быстрее и быстрее.

Его правый глаз по-прежнему видел пустую темную комнату и странный клубок грязной пряжи, но в левом глазу черный клубок постепенно терял пыль, возвращаясь к своему первоначальному синему цвету, и на нем появился маленький черный отпечаток пальца.

На отпечатке пальца «выросла» полупрозрачная маленькая рука, затем рука, тело, шея... Меньше чем за секунду перед ним появилась девочка лет семи-восьми.

В левом глазу Ворона ребенок изо всех сил пытался добраться до водопроводной трубы.

Она была настолько больна, что стала похожа на скелет, и каждый шаг давался ей с огромным трудом. Видимо, она очень хотела пить, ее взгляд, устремленный на трубу, был расфокусирован, но маленькая рука все еще тянулась вперед, пока она не споткнулась о что-то, потеряла равновесие и упала.

Ворон инстинктивно протянул руку, но схватил только воздух, его рука прошла сквозь ребенка.

Он мог только наблюдать, как эта маленькая жизнь боролась, пока не перестала двигаться.

В тот момент тело Ворона полностью воспроизвело ощущения ребенка, его виски сразу покрылись холодным потом, и без того бледное лицо стало еще блее. Но он не двигался, анализируя ощущение удушья и нехватки кислорода, и пришел к выводу, что ребенок, вероятно, умер от врожденного порока сердца.

В этот момент изображение в его левом глазу замерло, и ребенок, уже находящийся в царстве смерти, протянул к нему руку.

Ворону не нужно было никаких инструкций, он инстинктивно взял ее за руку. На этот раз он не промахнулся, через пространство и время он прикоснулся к знакомой смерти.

На руках живого и мертвого появилась тень, Ворон слегка наклонил голову, и у его левого уха раздался хриплый детский голос:

- Подарок для великого господина Чарльза еще не закончен.

Ворон вздохнул.

Смерть человека – как угасший свет, мертвые не могут общаться, и эти слова были лишь эхом, оставшимся в мире, которое повторялось в ушах Ворона.

- Ладно, – тихо сказал Ворон, опуская ее руку, – это пустяк, я закончу его за тебя.

Как только он произнес эти слова, тень, окутавшая его руку, превратилась в черный контракт, который вонзился в его ладонь. Ворон резко вернулся в реальный мир, все видения в его левом глазу исчезли, зрачок вернулся к обычной форме, а образ умершего растворился без следа.

Ворон сжал ладонь, смутно ощущая, что эта рука держала много подобных контрактов, и попытался вспомнить, но по-прежнему ничего не приходило на ум.